
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

М.М. МЧЕДЛОВА, Д.Б. КАЗАРИНОВА*

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНКУРЕНЦИЯ НОВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ¹

Аннотация. Хрупкость современного мира породила теоретико-методологические кризисы, но и открыла возможности для дискурсивного и политико-прагматического выхода за границы линейных нормативных конструкций Модерна. Включение в парадигмы интерпретации политической реальности понятий идентичности и политики идентичности, а в инструментальные практики – соответствующих стратегий и технологий приводит, с одной стороны, к повышению результативности научного поиска, с другой – к усугублению неопределенности и деструктивности вследствие применения соответствующих политических практик. Предметное поле данных понятий диверсифицировано, отражает множественность референтов и порождает концептуальную и политико-инструментальную конкуренцию.

Цель исследования – проследить теоретический ответ на изменение реальности, плохо описываемой традиционной институциональной парадигмой политической науки, с помощью включения социокультурных смыслов, способных выступить катализатором и легитимирующим основанием политических практик.

* **Мчедлова Мария Мирановна**, доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru; **Казаринова Дарья Борисовна**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: kazarinova-db@rudn.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20–011–31777 «Религиозные институты в эпоху общественных потрясений: стратегии, трансформация легитимации, ожидания общества»

Авторы обращаются к концептуальным положениям теорий протестной идентичности (М. Кастельс), ресентимента (Ф. Фукуяма), псевдополитики (М. Лилла), политики жизни (Э. Гидденс), tribes и нового трайбализма (М. Маффесоли) и ретропии (З. Бауман).

Ключевые слова: политика идентичности; идентичность; множество; ретропия; антиполитика; политика жизни; ресентимент; новый трайбализм; неравенство; солидарность.

Для цитирования: Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>

Архитектура политического устройства формируется онтологическими параметрами логики власти и понимания причинности, порождая соответствующий образ мысли и способы рефлексии. Понятийный инструментарий традиционно-действенных концептуальных схем «знакомого мира» не только отражал, но и порождал специфику политической прагматики и идеологической риторики, а формировавшийся вокруг теоретических конструкций дискурс задавал векторы познания, нормативную структуру политических конструкций и предпочитаемых стратегий. Однако «ускользающий из рук мир» поставил вопрос методологического порядка о познавательной адекватности политических теорий и понятийных массивов, начав разрушать доминирующий нарратив Модерна, изменяя параметры целеполагания, представления о прогрессе, инструментальные практики. Гносеологическая ограниченность классических парадигм поставила политическую науку перед проблемой концептуализации нового понимания политики, поиска интерпретации и легитимации политических инструментальных практик. Множество возникающих и мультиплицирующихся прецедентов в реальной политике, объяснение которых невозможно в рамках классических теоретических подходов и практик, решается и интерпретируется *ad hoc*, а политические референции современности, денотаты и сигнификты понятий теряют определенность, порождая множественные, конкурирующие между собой значения, далеко не тождественные устоявшимся представлениям. Наиболее ярко звучат интеллектуальные баталии вокруг понятий идентичности и политики идентичности, преломляющиеся в неоднозначных и разнообразно ценностно окрашен-

ных практиках: в условиях деструктуризации социальности и дегитимации политических учреждений поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур [Castells, 1999].

Принято считать, что с момента избрания президентом Д. Трампа и британского голосования по Брекситу началась новая эпоха в мировой политике. Интерпретация ее новизны зависит от акцента на тех или иных новых составляющих: эпоха подъема популизма / иллиберальной демократии и «эра популизма» [Katz, Nowak, 2017; Ricci, 2020], эпоха политики идентичности и ресентимента [Фукуяма, 2019], «ретротопии» [Бауман, 2019], время «антиполитики» [Lilla, 2017], «политики страха» [Дуткевич, Казаринова, 2017], «политики гнева»¹ и «цивилизация блефа» [Капустин, 2020]. Общей точкой отсчета можно считать актуализацию референций понятия идентичности. Однако различные (концептуальная, ценностная и идеологическая) оптики усугубляют состязательный характер этого концепта [Фадеева, 2017]. Негативная окрашенность предлагаемых интерпретаций свидетельствует об актуализации протестной / оппозиционной идентичности или «идентичности сопротивления» как самого распространенного инструмента политики идентичности [Castells, 2006]. Аналогичным по смысловой нагруженности является концепт «защитной коллективной идентичности» [Семененко, 2017, с. 649], отражающий доминирующий выбор политических стратегий. По мнению Б.Г. Капустина, «цивилизационные проекты можно представить как разновидности политики идентичности и борьбы за признание... Она направлена на защиту и экспансию существующей идентичности, а не на ее отрицание в пользу новой нравственно более богатой» [Капустин, 2010, с. 111].

Политический пафос Модерна, основанный на триаде «свобода, равенство, братство», громче звучал в утверждении свободы и равенства, тогда как солидарность получила наименьшее отражение в институциональных и внеинституциональных нормах. Это создало ситуацию, когда современные поиски справедливости вывели на авансцену не только теоретический конструкт идентично-

¹ *Rodrik D.* The Politics of anger. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-politics-of-anger-by-dani-rodrik-2016-03> (accessed: 30.07.2020).

сти, но и соответствующие практики, в основе которых имплицитное стремление к солидарности и преодоление экзистенциальной недостаточности.

Политика идентичности: концептуальные подходы к определению понятия

Большинство гуманитарных понятий являются многозначными, однако значения понятий не всегда вступают в теоретическую или ценностно-идеологическую конкуренцию. Возникновение последней происходит вследствие исчерпания генерализированных объяснительных схем и появления новых референтов, несводимых к единому знаменателю. Онтологическое разнообразие референтов легитимирует равноправие существующих значений и, как следствие, разнообразных, но уже равноположенных политических практик: «...конкурирующие модели ориентиров развития, порождающие конкурирующие и альтернативные концептуальные пространства и онтологии» [Мчедлова, 2018, с. 95]. Расширяемое и переопределяемое предметное поле понятия идентичности, одновременное сосуществование солидаризирующихся и противоположных денотатов и сигнификатов делают данное понятие не только многозначным, но и высококонкурентным как внутренне, так и в вариантах использования. Это умножается на различные ценностные установки и целеполагание исследователей [Миллер, 2020]. Не случайно понятия «политика идентичности» и «политика памяти» включаются в арсенал идеологической борьбы, а историческая память и определение идентичности становятся полем специфической политической конкуренции.

Термин «Identity politics», введенный в научный оборот в конце 1960-х годов, получил широкое распространение в начале 1980-х и в последующие десятилетия использовался очень часто и с радикально различными коннотациями, зависящими от контекста. В настоящее время в западной литературе сложилось довольно устойчивое понимание этого термина как политики, основанной на общности людей по различным идентификационным факторам (религия, раса, класс и др.), которые образуют эксклюзивные социально-политические союзы и политически действуют исключительно на этом основании, в противовес широкой коали-

ционной политике, основанной на пересечении интересов различных групп. Такое понимание понятия «политика идентичности» носит нормативный характер и исходит из интерпретации конкретного американского опыта (И. Семененко)¹: устоявшегося понимания в США «политики идентичности» как курса этнических и других меньшинств, направленного на самоутверждение [A soul for Europe ..., 2001, p. 2].

Подход к термину «политика идентичности», преодолевающий нормативную линейность, сложился в отечественной научной традиции благодаря одному из ведущих исследователей в данной области И. Семененко: «Политика идентичности используется государством как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных идейных позиций, политических убеждений и культурных предпочтений. На этой основе воспроизводится политическая нация, проводится тот “ежедневный плебисцит”» [Семененко, 2011]².

В развитие подобного подхода под «Identity politics» предлагается понимать «деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности... формированию общих ценностей... развитию групповых солидарностей...» [Современная политическая наука ..., 2019, с. 454]. Таким образом, политика идентичности становится «механизмом самоорганизации новых субъектов политики в рамках их борьбы за политико-правовое признание права на инаковость» [там же, с. 457]. При этом, по мнению И. Семененко, «различия есть... в identity politics и identity policy. В соответствии с тем, о чем идет речь – о сфере деятельности или о способах, методах, проектах»³. (Надо учитывать и наличие узкого понимания «identity policy» как деятельности по идентификации граждан, пользователей Интернета и т.д., присвоения ID).

¹ См. беседу с И.С. Семененко в этом номере журнала.

² Концептуальная логика эволюции и понятий «идентичность» и «политика идентичности» в стороны расширения предметного поля и многообразия референций отражена в фундаментальных исследованиях «Идентичность: Личность, общество, политика» [Семененко, 2017], «Современная политическая наука. Методология» [Современная политическая наука ..., 2019].

³ См. беседу с И.С. Семененко в этом номере журнала.

Хотя «утверждение концепта “политики идентичности”, происходившее на протяжении последних трех десятилетий, в арсенале политического анализа ведет к синергии двух его толкований» [Семененко, 2017, с. 653], русскоязычная и англоязычная трактовки термина «Identity politics / Политика идентичности» приводят к совершенно противоположному результату: речь идет о конструировании (в случае с отечественной трактовкой) и деконструкции (в англоязычном варианте) определенной политики. Согласно широко распространенному представлению, политика идентичности в западном понимании хотя и не направлена напрямую на разобщение общества и государства, замыканию в собственном кругу и на собственной повестке, но на практике приводит именно к этому. По мнению Ф. Фукуямы, «политика идентичности направлена на изменение культуры и поведения» [Фукуяма, 2019, с. 148], ее цель – «широкий нормативный сдвиг» в области общественной морали и в законодательстве. В данной логике Ф. Фукуяма выступает не против *политики идентичности*, но указывает на негативные эффекты *политики идентичностей* справа и слева, которые подрывают национальную идентичность: «...самая значительная проблема политики идентичности в том виде, в котором она сегодня практикуется левыми, заключается в том, что она стимулирует рост политики идентичности правого толка» [там же, с. 152]. Перетекая в пространство реальной политики, политика идентичности вызывает критику слева с конца 1990-х годов: Т. Джитлин называл ее «гигантской ошибкой» американской политики, уводящей ее в сторону от решения реальных проблем [Gitlin, 1996]. Политика идентичности раскачивает общество как маятник со все большей амплитудой, порождая более радикальные ответы. Таким образом, проблемы вызывает не столько сама политика идентичности, сколько эффекты от ее интенсивного распространения.

От общего к частному: судьба солидарности и политика жизни

Нацеленность политики идентичности на трансформацию социальных норм, притязания на формирование новой морали становятся мощным аттрактором для общества и для медийного про-

странства, структурирующего общественный и политический дискурс. Связь личностной идентификации с референтными общественными институтами заменяется трансформацией в сторону идентичностей на основе собственных желаний и исчисления вероятностей. Разрушение модернистской веры в линейный прогресс привело к отказу от утопии как мечты о лучшем будущем в пользу ретроутопии (З. Бауман): современное крушение солидарностей и традиционных ценностных иерархий повернуло человека к себе, своему внутреннему миру, своему достоинству (платоновскому тимосу), своим чувствам и жизненному опыту (краеугольным понятиям политики идентичности), к «экспрессивному индивидуализму» [Фукуяма, 2019, с. 83]: «...новая мораль из центробежной превратилась в центростремительную: когда-то она была главным связующим звеном в преодолении межличностных зазоров, в сближении и интеграции; теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размежевания, отчуждения и разрыва» [Бауман, 2019, с. 127]. Подобная аксиология онтологизирует отторжение «чужого» в качестве воспроизводящего культурного и политического механизма, вплетаясь в «анатомию человеческой деструктивности» [Фромм, 2009].

З. Бауман связывает универсальность депривации (чувства несправедливости, лежащего в основе политики идентичности) с малоизвестной в отечественной науке концепцией «политики жизни» [Бауман, 2019, с. 101] и дает неутешительный диагноз современности: «В нашем глубоко индивидуализированном и дерегулированном обществе исключительно *ad hoc*, неустойчивых, временных и бесконечно множащихся союзов и коалиций (...) в обществе, отравленном “делегированием” задач социетальной политики на индивидуальный уровень “политики жизни”, в господствующей философии и соответствующем ей образе жизни можно увидеть стратегию, нацеленную на обесценивание и очернение человеческой солидарности на всех уровнях, кроме уровня “самых родных и близких”» [там же, с. 99]¹.

¹ Данное положение подтверждается социологическими исследованиями. Согласно лонгитюдным исследованиям ФНИСЦ РАН, на уровне семьи и близких в основном формируется я-идентичность россиян, что проявляется в жизненных стратегиях и социальных практиках и отражает происходящее дробление идентичностей до предельного уровня выживаемости. Можно утверждать, что данное

Политика жизни (life politics) – концепция политики нового типа, предложенная Э. Гидденсом, которая вытекает из вопросов о самореализации индивида, о том, как жить в современности. Она противопоставляется традиционной «эмансипационной политике», связанной с борьбой против «эксплуатации и угнетения» [Giddens, 1991], когда современный индивид эмансипируется от традиционно предписанной идентичности и воспринимает себя как рефлексивный проект для самоактуализации. Таким образом, Э. Гидденс определяет политику жизни двумя основными способами: 1) политика жизни касается политических вопросов, вытекающих из процессов самореализации в посттрадиционных контекстах; 2) политика жизни – это политика жизненных решений [Giddens, 1991]. Тезис Э. Гидденса «частное – это политическое» дает ключ к пониманию концепции «политики жизни» [Kavaliauskas, 2011] и ее политическим импликациям, отражая условия позднего Модерна. Поскольку политика жизни – это политика жизненных решений, затрагивающих саму самоидентификацию, то оторванные от традиционных сценариев люди теперь должны рефлексивно создавать свои собственные биографии в мире большого риска, неуверенности и беспокойства¹.

Смысловой дрейф в целеполагании от общего блага к благо индивида как главной цели политики делает ее сложно осуществимой. Если политика в традиционном понимании – это деятельность по согласованию интересов различных групп, то в концепции «политики жизни» все переворачивается: на основе политики жизни реализуется политика идентичности, основанная на квантификации, а сама идентичность уже не находится под жесткототальным влиянием универсализирующих норм и институций.

В интерпретативный потенциал концепта политики идентичности понятие жизненного опыта было инкорпорировано через представление о неразделяемом жизненном опыте (*L'expérience vécue*) женщины в философии С. де Бовуар. Ф. Фукуяма подробно останавливается на проблеме жизненного опыта, вслед за европейскими мыслителями XIX в., различая *Erfahrung* (опыт, которым

обстоятельство актуализирует проблемы ценностной аномии и национальной безопасности. См., например: [Двадцать пять лет ..., 2018].

¹ *Welton M. Anthony Giddens and the Emergence of Life Politics. – Mode of access <https://www.counterpunch.org/2016/03/18/anthony-giddens-and-the-emergence-of-life-politics/> (accessed: 30.07.2020).*

можно поделиться) и Erlebnis (неразделяемый, уникальный жизненный опыт) [Фукуяма, 2019, с. 141–142]. В таком контексте даже «сама природа современной идентичности с ее акцентом на жизненном опыте создает конфликты внутри либеральной коалиции»: [там же, с. 152], если жизненный опыт определенных групп, как правило, депривированных, принципиально признается неразделимым, то нет условий для какого-либо диалога.

Диалогу не способствует и акцент на эмоциях и чувствах, которые нельзя оскорблять по правилам политкорректности. Вопросы идентичности начинают восприниматься так же не критично, как вопросы веры. Как говорит З. Бауман, «цель споров, касающихся вопросов веры, заключается не в достижении согласия, а в стремлении объяснить противнику, что он непроходимо слеп и глух к сути вопроса и руководствуется недобрыми намерениями» [Бауман, 2019, с. 70]. Таким образом, в общественном пространстве не остается почвы для диалога: «Мы теряем смысл политики: не за что бороться кроме своих мелких, частных интересов, соответственно, нет основы для политической консолидации, агрегации интересов» [Дуткевич, 2020, с. 171].

Так, в США изначально левая политика идентичности апеллировала к наиболее широким классам американского общества, афроамериканцам или женщинам, мобилизуя их политическую поддержку под лозунгом борьбы за права. Но это, по словам М. Лилла, открыло путь к псевдополитике (pseudopolitics), эксклюзивной, ориентированной на все более дифференцирующиеся и закрытые группы. Перенесение объекта политической борьбы с социально-экономической на социокультурную сферу М. Лилла называет «великим отречением либералов» (The Abdication) [Lilla, 2017].

Социокультурные доминанты политики вытеснили традиционный спектр структурирования политических идеологий и практик и перспективы возвращения к «нормальной политике» как полемике сил право-левого политического спектра: «До тех пор, пока Запад не организуется в новых политических категориях – категориях, которые отразят глобализацию как основной фактор политической жизни (...) – общество будет представлять собой бурлящий котел левых и правых идей, и партий, не отличающихся ничем,

кроме идентичности»¹. Таким образом, политика идентичности отождествляется с псевдо- (или у некоторых авторов) антиполитикой – явлением, по сути противоположным политике как сфере согласования различных интересов и диалоговой по своей природе, и вытесняет возможности проектной идентичности в пространство идейных мечтаний.

Политика идентичности, справедливость и неравенство

На знаменах политики идентичности основным лозунгом является справедливость, легитимирующая разнообразные системы аргументаций и практические стратегии. «В политике идентичности как таковой нет ничего плохого, – заявляет Ф. Фукуяма, – это естественный и неизбежный ответ на несправедливость» [Фукуяма, 2019, с. 149]. Исчерпанность прежней парадигмы общественного развития, новые особенности социальной структуры, экономика посттруда, отсутствие адекватных альтернатив государству благосостояния порождают политику идентичности, обладающую большим потенциалом деструкции.

Справедливость как в эгалитаристской логике, так и в координатах «создания институтов, призванных наилучшим образом обеспечивать реальную свободу всем» [Van Parijs, 2001], связывается с проблемой преодоления неравенства, все более усиливающегося в национальных и глобальных координатах. В 2019 г., согласно докладу Oxfam, состояние миллиардеров выросло на 12% за год, или на 2,5 млрд долларов в день, в то время как благосостояние 3,8 млрд человек, составляющих беднейшую половину человечества, сократилось на 11%². Очевидно, что кризисный 2020 год покажет еще более значимое падение доходов средних, бедных и беднейших слоев, а трансформации рынка труда поражают воображение грядущими цифрами безработицы.

¹ *Simpson E.* The two-hundred-year era of 'left' and 'right' is over. – 2016. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2016/11/14/the-two-hundred-year-era-of-left-and-right-is-over/> (accessed: 30.07.2020).

² Billionaire fortunes grew by \$2.5 billion a day last year as poorest saw their wealth fall // OXFAM International. – 2019. – Mode of access: <https://www.oxfam.org/en/press-releases/billionaire-fortunes-grew-25-billion-day-last-year-poorest-saw-their-wealth-fall> (accessed: 30.07.2020).

Однако масштабного протеста по социально-экономической повестке почти не происходит, за исключением быстро свернувшегося движения Occupy Wall Street и чуть более длительной активности «желтых жилетов» во Франции. Гораздо заметнее протесты «достоинства» (по аналогии с «революциями достоинства»), основанные на таксонах социокультурной идентичности. Сегодня «люди не всегда голосуют в своих интересах. Они голосуют за свою идентичность. Голосуют за свои ценности. За тех, с кем себя отождествляют» [Lakoff, 2014], поскольку некому и не с кем солидаризироваться. Нет ни базы, ни лидеров, ни знамен, а «политика идентичности ведет к отчуждению от мировой системы. Она буквально разрывает вагоны второго и третьего класса. Они расходятся по своим этническим и религиозным купе и не могут договориться об общих целях и действиях по защите общих интересов. Лидер уже не может их мобилизовать ни для каких политических целей» [Дуткевич, 2020, с. 171].

Ф. Фукуяма утверждает, что политика идентичности в том виде, в котором она существует сейчас, – это более легкий путь, по которому левые направили общественное обсуждение: «тенденция политики идентичности сосредоточиться на культурных проблемах отвлекла энергию и внимание от серьезного мышления со стороны прогрессивных людей о том, как повернуть вспять тридцатилетнюю тенденцию в большинстве либеральных демократий к большему социально-экономическому неравенству. Легче спорить по культурным вопросам, чем менять политику»¹.

В результате политика, которая приводит к противостоянию поляризующихся культурных идентичностей, усугубляется социально-экономическими разногласиями, заводя в тупики, подобные ситуации Брекзита или президентской кампании в США в 2020 г. З. Бауман счел возможным использовать для анализа современной ситуации образ «Двух наций» – имущих и неимущих, предложенный Б. Дизраэли в романе 1845 г., а в США – сенатором-демократом Дж. Эдвардсом в 2019 г. [Бауман, 2019, с. 89]. «Две нации» – люди со сверхдоходами, с одной стороны, и представители среднего и низшего классов – с другой, практически не пере-

¹ Фукуяма: Политика идентичности и предпосылки гражданской войны в США. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/14/fukuyama-politika-identichnosti-i-predposylki-grazhdanskoy-voyny-v-ssha> (дата посещения: 30.07.2020).

секаются, существуют изолированно, и даже «создают и используют взаимно неперебиваемые языки... Это еще одно доказательство, что разделение общества на две нации состоялось» [Бауман, 2019, с. 105]. Однако тезис о разделении нации чаще используется не в социально-экономическом, а в политико-культурном контексте. Как справедливо утверждает В. Мартьянов, в ситуации позднего модерна «в обществе возникают новые страты, не связанные с идентичностью ранее доминирующих классов, появляются значимые группы населения, объединенные внеэкономической идентичностью» [Мартьянов, 2017, с. 548].

Термин «Холодная гражданская война»¹ как эпитет противостояния в американском обществе появился уже несколько лет назад. В XXI в., во время культурной войны между американскими консерваторами и либералами из-за противостояния культурным, моральным и религиозным идеалам, некоторые политические комментаторы характеризовали политический дискурс либо как фактическую вторую гражданскую войну, либо как потенциальную прелюдию к ней. Согласно опросу Расмуссена в 2018 г., 31% американских избирателей опасались, что интенсивное партийное противостояние после президентских выборов 2016 г. и победы Дональда Трампа вызовет вторую гражданскую войну в ближайшие пять лет².

Брекзит в Британии вскрыл старые проблемы, которые казались решенными или вообще снятыми с повестки дня историей. Спор о Брексите – по сути спор о трещинах в социокультурном основании нации, которые были до поры до времени сглажены и проявились в ходе референдума, приведя к разделению на два общества – *Brexitland* и *Remainia*. Нетерпимость к оппонентам по вопросу о судьбе страны значительно превышает любой другой вид существующих в британском обществе предубеждений, в том

¹ Codevilla A. The Cold Civil War. Statecraft in a divided country. Claremont Review of Books, 2017. – Mode of access: <https://claremontreviewofbooks.com/the-cold-civil-war/> (accessed: 30.07.2020).

² Rasmussen Reports: 31% Think U.S. Civil War Likely Soon. – 2018. – Mode of access: https://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/general_politics/june_2018/31_think_u_s_civil_war_likely_soon (accessed: 30.07.2020).

числе расовых¹. И эта ситуация меняет облик британской политической системы, до недавнего времени одной из самых стабильных. Похожие расколы идентичности демонстрирует испанско-каталонский политический кризис.

Политика идентичности: в теоретических поисках организации множества

Поляризация в современном американском обществе объясняется разными причинами: неспособностью к гражданскому соглашению между двумя основными политическими партиями [Mason, 2018], активизацией неполитических идентичностей и трансформацией их в политические «мегаидентичности». Автор книги «Почему мы поляризуемся» Э. Клейн предложил концепт «сквозных идентичностей», которые удерживают национальное единство и уменьшают шансы гражданской войны. Он видит проблему в том, что замыкание в своих «информационных пузырях» оставляет все меньше возможностей для пересечения идентичностей. В контексте нашего исследования важен тезис, что поляризация происходит между большими социальными группами – не столько экономическими, сколько между социокультурными, в широком смысле культурными либералами и консерваторами, к которым равно относятся и правые, и левые, часто называемые «tribes» (tribus).

Понятие «tribes» все активнее проникает в англоязычную политическую повестку, и на русский язык переводится в зависимости от контекста. В русском языке термины «племена» или «кланы» носят отпечаток некой заложенной в них родственной основы, а понятие «трибы» имеет историческую окраску, хотя в нем заложен глубокий смысл разделения на части, подразделения, объединенные определенным признаком. В современном социально-политическом дискурсе под понятием «tribes» часто понимаются достаточно широкие поляризующиеся общественные группы. Так, например, Chatam House на основе опроса общест-

¹ Казаринова Д. Борис, борись! // Россия в глобальной политике. – 2019. – 23.07. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Boris-boris-20108> (дата посещения: 30.07.2020).

венного мнения разбил все население ЕС на несколько групп – tribes: «неуверенных европейцев», «довольных европейцев», «евроскептиков», «фрустрированных проевропейцев», «бунтарей» и «федералистов»¹. Понятием «tribes» описываются две части британского общества, разделившегося на «leavers» – сторонников Брекзита, и «remainers» – сторонников членства Великобритании в ЕС. В Америке под «tribes» подразумеваются сторонники демократов и республиканцев. Причем разделение это на «две нации» социокультурного характера настолько очевидно, что авторы книги «Prius or Pickup?: How the Answers to Four Simple Questions Explain America's Great Divide» М. Хетерингтон и Дж. Вейлер [Hetherington, Weiler, 2018], предельно упрощая ситуацию, предлагают всего по нескольким вопросам (Prius или пикап? Кофе из Старбакс или Данкин Донатс? Кошка или собака?) протестировать американцев на принадлежность к одному из двух лагерей – прогрессистов или консерваторов, между которыми и происходит все более углубляющийся раскол.

Система отношений между «tribes» получает название «новый трибализм» (трибализм); выстроенная вокруг него концептуальная схема постулирует переход от массового общества к социальным группам, при котором естественным образом формируются социальные сети, образующие новые «племена». Французский социолог М. Маффесоли [Maffesoli, 1996] был одним из первых, кто использовал термин «неотрибализм» для объяснения происходящих трансформаций. В его интерпретации «новые трибы», гибкие, эгалитарные, бесклассовые, «летучие», нестабильные, объединяются на основе общности духа, интересов, мировоззрения, жизненного стиля, т.е. субкультуры. По мере того как культура и институты Модерна будут приходить в упадок, общества будут испытывать ностальгию и искать ориентиры в организационных принципах далекого прошлого, и поэтому постмодернистская эпоха станет эпохой неотрибализма. По мнению М. Маффесоли, в современном мире происходит оживление определенных архаизмов, отодвинутых на второй план в обществе Модерна. Он предложил для анализа понятия социальности, «tribus émotionnelles» (эмоционального сообщества) и «reliance» (взаимосвязи, опоры) [Шубрт, 2018].

¹ Tribes of Europe. – Mode of access: <https://tribes.chathamhouse.org/the-tribes/> (accessed: 30.07.2020).

Расширение смысловых границ понятия «tribes» призвано преодолеть субкультурные коннотации, быть релевантным для описания более широких общностей и политических событий. Однако определенный оттенок архаики этот термин сохраняет. В то же время он способствует утверждению множественности как ключевого параметра, преодолевающего универсализм и линейность философии и политики Модерна.

Невозможность строгого определения данного понятия при интуитивной понятности его прикладного значения приводит к его употреблению с различными сигнификатами и денотатами. Так, понятие «новый трайбализм» используется Ф. Фукуямой в эссе «Против политики идентичности. Новый трайбализм и кризис демократии»¹. Эссе стало основанием книги «Идентичность», но уточнения понятия там нет. Профессор Йельского университета Э. Чуа [Chua, 2018] под трайбализмом понимает борьбу групп интересов и призывает соотечественников лучше разбираться в групповых идентичностях. Понятие «tribes» появляется и в последней книге З. Баумана «Ретротопия», одна из глав которой называется «Назад к племенам». Он пишет о «глобальной эпидемии ностальгии», которая в отсутствие прогрессистской универсалистской перспективы заставляет общества обернуться назад и двигаться в сторону естественного состояния войны всех против всех («Назад к Гоббсу»), общностям по идентичностям («Назад к племенам»), изолированным «двум нациям» богатых и бедных («Назад к неравенству») и к предельно индивидуалистическому, нарциссичному уходу от общества с помощью интернет-технологий («Назад в утробу»).

Современность меняет пространство, производящее политические и культурные смыслы и нормы, а включение человека в сеть множественных безличных связей ослабляет его соотнесенность с традиционными институциями и ценностными иерархиями. Индивидуализация идентичностей и ценностная аномия стимулируют возникновение новых сообществ, не компенсирующих нехватку солидарности и плохо описываемых традиционными по-

¹ *Fukuyama F.* Against identity politics. The new tribalism and the crisis of democracy // Foreign Affairs. – 2018. – Mode of acces: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama> (accessed: 11.08.2020).

нятиями, инициируют политики идентичности, поддерживающие и стимулирующие технологии взаимодействия архаичных или возникающих подвижных общностей в параметрах конкуренции и «войны всех против всех».

Ресентимент и архаизация: закономерность или алармизм?

Состояние хаоса и утраты ориентиров, ощущение неравенства и несправедливости на глобальном и локальном уровнях вызывают страх, неуверенность, тревогу, требование достоинства, определяемое общим понятием «ресентимент». Ресентимент в психологии и философии определяется как сознание тщетности попыток повысить свой статус, неприятные чувства, враждебность к субъектам, которые воспринимаются как виновники несправедливости [Казаринова, 2020]. Однако сегодня ресентимент становится категорией политической теории и алгоритмом, в соотнесении с которым выстраиваются политические стратегии и технологии, а «идея справедливости становится своеобразным синонимом ресентимента» [Козлов, 2017]. Как подчеркивает А. Миллер, «новая “политика идентичности” стала активно использовать сферу культурной памяти для артикулирования и агрессивного утверждения “достоинства”, “травматического опыта” групп, добывающихся преимуществ (или компенсации (...)) за прежние несправедливости, для защиты оскорбленных чувств» [Миллер, 2020, с. 12]. Ресентимент выступает одновременно как причина и следствие политики идентичности, результат несправедливого распределения положительных и отрицательных эффектов глобализации. В социальном плане «формируется социальная группа из отчаявшихся, смирившихся и просто лишних работников, которая уже не является механической компиляцией временных безработных из разных слоев, а превращается в реальный класс со своими особыми интересами, менталитетом и образом жизни» [Мартьянов, 2017, с. 549], который борется за свои интересы через политику идентичности.

Ресентимент предстает в качестве группового феномена, обладающего большим мобилизационным и объединительным потенциалом. Он напоминает «мину замедленного действия; его реактивность до поры до времени поддается контролю, может быть растянута во времени, отложена на будущее, до появления усло-

вий, более подходящих для выброса вовне накопившейся темной, деструктивной энергии» [Козлов, 2017, с. 89]. Его энергия канализуется политическими силами, лидерами и партиями, набирающими популярность во всем мире, и приводит к популистской волне и всплеску антилиберальных, антимигрантских, антиевропейских, антиистеблшментских и прочих антинастроений. Ресентимент, влияющий на переопределение мотиваций, ценностных иерархий, социальных и политических практик, – это наиболее обобщающий и мощный ресурс политики идентичности как в контексте легитимации различных консолидирующих идентичностей во внутривнутриполитическом процессе, так и внешнеполитических процессах [Семененко, 2017, с. 647–648]. Направленность и результат подобных политик зависят как от целеполагания заинтересованных субъектов, так и от референтной базы конкретного общества, однако их равноположенность актуализирует одинаковую легитимность каждого из возможных путей.

Реакция на пандемию COVID-19 отразила амбивалентные процессы, приводящие к гиперцентрализации и к бесконечной фрагментации: с одной стороны – сила национального государства (вернее, слабость всех политических акторов иного уровня) в выполнении своей ключевой функции продуцирования безопасности, с другой – малоконтролируемая «социальная фрагментация, которой способствует Интернет»¹. Эти пока сложно определяемые фрагменты, или *tribes*, в условиях одновременных глобальных переходов (сдвигов парадигм) от Производства к Цифре и от Западных империй к Азии² образуют некое новое состояние хаоса во внешней и внутренней политике, который вполне может стать началом новой социальной организации. Традиционные политики Модерна сталкиваются с социально-политическими размежеваниями на несколько «наций» и в результате «новые вызовы современной эпохи (особенно в условиях «больших вызовов». – М. М., Д. К.)...

¹ Fukuyama F. Against identity politics. The new tribalism and the crisis of democracy // Foreign Affairs. – 2018. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama> (accessed: 11.08.2020).

² Kessler J. Not tribes, just chaos: Review of: Chua A. Political Tribes: Group Instinct and the Fate of Nations, 2019. – Mode of access: https://www.amazon.com/Political-Tribes-Group-Instinct-Nations/dp/0399562877/ref=sr_1_10?dchild=1&keywords=tribes&qid=1595531471&sr=8-10 (accessed: 30.07.2020).

становятся питательной средой алармизма и страхов, которые, в свою очередь, запускают маховик архаизации» [Семененко, Морозова, 2017, с. 82], актуализируя деструктивные политические практики протестной идентичности. Деструктивная архаизация в технологиях политического взаимодействия отражает деструктивный потенциал привлекательных лозунгов современной политики: «*Make America Great Again*» (Д. Трамп), «*America Must Lead Again*» и «*Build Back Better*» (Д. Байден), «*Take Back Control*» (Брекзит).

Заключение

Предметное поле понятия политики идентичности включает в себя денотаты, порождаемые огромным количеством эффектов, создающих новую политическую реальность. Формирующийся вокруг данного понятия дискурс, высококонкурентный в силу различия смыслов и значений, порождает различные теоретические подходы и конкурентные политические практики. Фиксируемое дробление общего, несводимость множественности общностей к консенсусным основаниям классификации предопределяют конкуренцию как между значениями понятий, так и между субъектами политического целеполагания, преодолевающую в своей легитимности нормативную логику линейного нарратива Модерна. Истончающиеся солидарности в меняющемся мире и еще большее их дробление в результате политики идентичности, видоизменение иерархии традиционных ценностных приоритетов, фиксировавшихся в политических институтах и солидарностях, не только акцентуируют протестные идентичности, потенциал развития которых далеко не очевиден, но и конструируют туманно-мозаичное зеркало будущего.

Список литературы

- Бауман З. Ретротопия. – М.: ВЦИОМ, 2019. – 160 с.
Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь мир, 2018. – 384 с.
Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 8–21. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>

- Дуткевич П.* Сила гегемона: роль дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 167–178. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178>
- Казаринова Д.Б.* Политическая наука в эпоху ресентимента // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 169–183. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-169-183>
- Капустин Б.Г.* Политические смыслы «цивилизации». Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010. – 630 с.
- Капустин Б.Г.* Цивилизация блефа // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 3. – С. 82–85.
- Козлов Д.В.* Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 85–98. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.08>
- Мартьянов В.С.* Социальная стратификация и идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 545–552.
- Миллер А.И.* Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 8–15.
- Мчедлова М.М.* Будущее как предчувствие (к дискуссии о характере политической науки) // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 93–104.
- Семенов И.С.* Политика идентичности // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 647–655.
- Семенов И.С.* Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 5–24.
- Семенов И.С., Морозова Е.В.* Идентичности в меняющемся мире: ориентиры, смыслы, траектории динамики // Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 77–88.
- Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
- Фадеева Л.А.* Идентичность как «созыательный концепт» в проблемном поле политологии // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 70–76.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 635 с.
- Фукуяма Ф.* Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
- Шубрт И.* Мир постмодерна в социологии Мишеля Маффесоли // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 24–32. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002155-3>
- A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans. A Reader / Cerutti R., Rudolph E. (eds). – Leuven: Peeters, 2001. – Vol. 1: (On the making of Europe). – 214 p.

- Castells M.* L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité. – Paris: Fayard, 1999. – 538 p.
- Castells M.* Globalization and identity: a comparative perspective // Transfer. – 2006. – N 1. – P. 56–65.
- Chua A.* Political tribes: group instinct and the fate of nations. – N.Y.: Penguin Press, 2018. – 304 p.
- Giddens A.* Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – 256 p.
- Gitlin T.* The twilight of common dreams: why America is wracked by culture wars. – N.Y.: Henry Holt and Company, 1996. – 288 p.
- Heherington M., Weiler J.* Prius or Pickup?: How the answers to four simple questions explain America's great divide. – Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2018. – 288 p.
- Katz B., Nowak J.* The new localism: how cities can thrive in the age of populism. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2017. – 288 p.
- Kavaliuskas T.* Life Politics and ideology // The individual in business ethics. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 73–82. – DOI: https://doi.org/10.1057/9780230295261_5
- Lakoff G.* The all new don't think of the elephant: know your values and frame the debate. – White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2014. – 192 p.
- Lilla M.* The once and future liberal: after identity politics. – N.Y.: Harper Collins, 2017. – 143 p.
- Maffesoli M.* The time of the tribes: the decline of individualism in mass society. – London: Sage, 1996. – xii+176 p. – DOI: <http://ddoi.org/10.4135/9781446222133>
- Mason L.* Uncivil agreement: how politics became our identity. – Chicago, IL: Chicago University Press, 2018. – 192 p.
- Ricci D.* A Political science manifesto for the age of populism: challenging growth, markets, inequality and resentment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 204 p.
- Van Parijs Ph.* What's wrong with a free lunch? – Boston: Beacon Press, 2001. – 156 p.

M.M. Mchedlova, D.B. Kazarinova*

**The identity politics: competition of new theoretical meanings
and political strategies¹**

Abstract. The fragility of the modern unstable world has created both theoretical and methodological crises, and opened up opportunities for discursive and political-pragmatic transcending the boundaries of linear normative constructions of Modernity.

* **Mchedlova Maria**, RUDN University; the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru; **Kazarinova Daria**, RUDN University (Moscow, Russia), e-mail: kazarinova-db@rudn.ru

¹ The article is supported by RFBR and EISR No. 20–011–31777 «Religious institutions in an era of social upheaval: strategies, transformation of legitimacy and society's expectations».

The inclusion of the concepts of identity and identity politics paradigm in the interpretation of political reality, and in instrumental practice appropriate strategies and technologies that lead to improving the performance of scientific research, and at the same time – to the aggravation of the uncertainty and destructive due to the use of political practices, guided around them. The subject field of these concepts is diversified and fragmented, reflecting the multiplicity of referents and generating conceptual and political-instrumental competition.

The aim of the research is to trace the theoretical response to changing reality, which is poorly described by the traditional institutional paradigm of political science and requires the incorporation of socio-cultural meanings, which then becomes a catalyst and legitimizing basis for certain political practices. The authors address the conceptual positions of the theories of protest identity (M. Castells) resentment (F. Fukuyama), pseudo-politics (M. Lilla), politics of life (A. Giddens), tribes and new tribalism (M. Maffesoli) and retrotopia (Z. Bauman).

Keywords: identity politics; politics of fear; retrotopia; politics of anger; anti-politics; politics of life; resentment; new tribalism; inequality; deprivation; polarization; cross-cutting identities; archaization.

For citation: Mchedlova M., Kazarinova D. The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 13–35. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>

References

- Bauman Z. *Retrotopia*. Moscow: Russian public opinion research center, 2019, 160 p. (In Russ.)
- Castells M. Globalization and identity: a comparative perspective. *Transfer*. 2006, N 1, P. 56–65.
- Castells M. *The information age. The power of identity*. Paris: Fayard, 1999, 538 p. (In French)
- Cerutti R., Rudolph E. (eds). *A soul for Europe. On the political and cultural identity of the europeans. A Reader*. Leuven: Peeters. 2001, Vol. 1 (On the making of Europe), 214 p.
- Chua A. *Political tribes: group instinct and the fate of nations*. N.Y.: Penguin Press, 2018, 304 p.
- Dutkiewicz P. The power of hegemon: the role of discourse. *RUDN Journal of Political Science*. 2020, Vol. 22, N 2. P. 167–178. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178> (In Russ.)
- Dutkiewicz P., Kazarinova D. Fear as politics. *Polis. Political Studies*. 2017, N 4, P. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02> (in Russ.)
- Fadeeva L. Identity as a “contentious concept” in political science. In: *Identity: the individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 70–76. (In Russ.)
- Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. Moscow: AST Moscow, 2009, 635 p. (In Russ.)

- Fukuyama F. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O., Nikitin A. (eds). *Contemporary political science: methodology*. Moscow: Aspekt Press, 2019, 776 p. (In Russ.)
- Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991, 256 p.
- Gitlin T. *The Twilight of common dreams: why America is wracked by culture wars*. N.Y.: Henry Holt and Company, 1996, 288 p.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds). *Twenty-five years of Russian transformations: experience of sociological analysis*. Moscow: Ves Mir, 2018, 384 p. (In Russ.)
- Hetherington M., Weiler J. *Prius or pickup?: How the answers to four simple questions explain America's great divide*. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2018, 288 p.
- Kapustin B.G. Civilization of bluff. *Russia in global affairs*. 2020, N 3 (103), P. 82–85. (In Russ.)
- Kapustin B.G. *Political senses of "civilization". Critique of political philosophy: selected essays*. Moscow: Territoria budushchego, 2010, 630 p. (in Russ.)
- Katz B., Nowak J. *The new localism: how cities can thrive in the age of populism*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2017, 288 p.
- Kavaliauskas T. Life politics and ideology. In: the individual in business ethics. London: Palgrave Macmillan, 2011, P. 73–82. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230295261_5
- Kazarinova D.B. Political science in the age of resentment. *MGIMO Review of International Relations*. 2020, Vol. 13, N 1, P. 169–183. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-169-183> (In Russ.)
- Kozlov D.V. Political behavior in modern Russia in the light of the resentment concept. *Polis. Political Studies*. 2017, N. 1, P. 85–98. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.08> (In Russ.)
- Lakoff G. *The all new don't think of the elephant: know your values and frame the debate*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2014, 192 p.
- Lilla M. *The once and future liberal: after identity politics*. N.Y.: Harper Collins, 2017, 143 p.
- Maffesoli M. *The time of the tribes: the decline of individualism in mass society*. London: Sage, 1996. xii+176 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446222133>
- Martyanov V. Social stratification and identity. In: *Identity: The individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 545–552. (In Russ.)
- Mason L. *Uncivil agreement: how politics became our identity*. Chicago, IL: Chicago University Press, 2018, 192 p.
- Mchedlova M. The future as apprehension (debate about the crisis of political science). *Political science (RU)*. 2018, N 1, P. 93–104. (In Russ.)
- Miller A. An introduction. big changes. what's new in memory politics and it's studies? In: Miller A., Efremenko D. (eds). *The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: EUSP Press, 2020, P. 8–15. (In Russ.)
- Ricci D. *A Political science manifesto for the age of populism: challenging growth, markets, inequality and resentment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, 204 p.

- Semenenko I. Identity politics. In: *Identity: the individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 647–655. (In Russ.)
- Semenenko I. Political identity in the context of identity politics. *Political expertise: POLITEX*. 2011, Vol. 7, N 2, P. 5–24. (In Russ.)
- Semenenko I., Morozova E. Identities in a changing world. In: *Identity: the individual, society and politics*. I. Semenenko (ed). Moscow: Ves Mir, 2017, P. 77–88 (In Russ.)
- Šubrt J. Postmodern world in sociology of Michel Maffesoli. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2018, N 10, P. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002155-3> (In Russ.)
- Van Parijs Ph. *What's wrong with a free lunch?* Boston: Beacon Press, 2001. – 156 p.